

生命式

村田沙耶香

ЦЕРЕМОНИЯ ЖИЗНИ

САЯКА МУРАТА

Перевод Дмитрия Коваленина

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.521
ББК 94.4(5Япо)6
М91

SEIMEISHIKI
by Sayaka Murata

Original Japanese edition published by Kawade Shobo Shinsha, Ltd., Tokyo.

Russian language translation rights reserved to Popcorn Books under license
granted by Sayaka Murata

Мурата, Саяка.

М91 Церемония жизни / Саяка Мурата ; пер. с яп. Д. Коваленина. — Москва : Popcorn Books, 2024. — 272 с.

ISBN 978-5-907696-19-8

«Церемония жизни» — сборник коротких рассказов Саяки Мураты, за которые ее прозу высоко ценят в Японии. Милые и шокирующие одновременно, эти рассказы застают читателя врасплох и надолго остаются в памяти.

Переплетая смешное и ужасное, Мурата выворачивает наизнанку нормы морали и традиции общества, чтобы показать внутренний мир своих героев: изгоев и одиночек. Понять, где разворачиваются события — в современной Японии, в прошлом или в альтернативной реальности, — порой бывает совсем непросто: слишком часто их герои кажутся до непривычного нормальными в пугающе необычном мире.

В своих странных и удивительных рассказах о семье и дружбе, сексе и близости, общности и индивидуальности Мурата задает прежде всего вопрос о том, что значит быть человеком в нашем мире.

УДК 821.521
ББК 94.4(5Япо)6

Copyright © 2019 by Sayaka Murata

All rights reserved.

Cover photo by Frank from 5AM Ramen

© Д. Коваленин, перевод на русский язык, 2024

© Д. Коваленин, предисловие, 2024

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2024

ISBN 978-5-907696-19-8

СОДЕРЖАНИЕ

Табу всех наверх, или почему аборигены съели Кука <i>Антропологические кайданы Саяки Мураты</i> (Предисловие переводчика)	7
Церемония жизни	19
Идеальный материал	62
Милое застолье	83
...И летней ночи поцелуй	110
Семейство на двоих	114
Время большой звезды	124
Паппи	128
Магия тела	134
Любовь с ветерком	153
Пазл	163
Город на съедение	197
Инкубатор	236

ТАБУ ВСЕХ НАВЕРХ, ИЛИ ПОЧЕМУ АБОРИГЕНЫ СЪЕЛИ КУКА

***Антропологические кайданы Саяки Мураты
(Предисловие переводчика)***

— То, что еще недавно считалось незыблемой нормой, за какие-то тридцать лет перевернулось с ног на голову. Лично я за такими скоростями не успеваю, вот и все. Как бы лучше сказать... Не отпускает чувство, что весь мир меня обманул!

Саяка Мурата, «Церемония жизни» (2013)

Итак, вы держите в руках третью по счету книгу Саяки Мураты, выпущенную на русском языке. Буду очень рад, если не последнюю.

Первым ее мировым бестселлером стал «Человек-комбини» (2016) — компактная, но динамичная повесть, уже самим названием отсылавшая нас к проблематике «Человека-ящика» Кобо Абэ (1973). Но если у Абэ герой, как мы помним, озабочивался обустройством своего персонального ящика для жизни в трущобах огромного мегаполиса, — то главная (и, пожалуй, самая узнаваемая) героиня Мураты оттачивает свою систему ценностей и отношение к обществу, работая на полставки продавщицей в «аквариуме»

круглосуточного минимаркета. И настолько радикально, как герой Абэ, из этого общества не выпадает. Изъясняется она современным языком, не чурается молодежного сленга, да и шутит вполне остроумно. Видимо, уже поэтому ее аргументы в пользу собственной нормальности в мире, который сошел с ума, звучат куда убедительней для читательской аудитории, нежели отрешенно-угрюмые исповеди — о том же самом, но из уст арестованного за бродяжничество токийского бомжа.

Так или иначе, взгляд на общество «из-за кассы в Пятерочке» оказался поистине снайперским, и в том же 2016 году «Человек-комбини» получил в Японии престижнейшую литературную премию Акутагавы.

Но вот что любопытно. Несмотря на столь оглушительный успех, реакция на ее книгу оказалась совсем не такой, на какую она рассчитывала. По признанию самой Муратысан, на дальнейших встречах с читателями — в Японии, а позже в Европе и США, — она не раз поражалась: как много людей, искренне сочувствуя героине, стараются тут же поставить ей диагноз! С какой охотой они готовы распознать у «бедняжки» ту или иную степень аутизма — и предложить свои советы по исцелению! Так же искренне забывая о том, что ни в одном из своих монологов героиня эта, Кэйко Фурукура, ни помощи, ни советов ни у кого не просила. Да и по сюжету японский доктор никакого аутизма у девочки не нашел.

Еще бы! Ведь настоящие аутисты не пытаются доказывать окружающим свою нормальность. И уж точно не пишут об этом книг. А героини Саяки Мураты постоянно ведут

и с собой, и с другими этот внутренний спор, обнажая перед нами заскорузлые вопросы, которые когда-то и мы задавали своим взрослым, но не получали вразумительных ответов. А теперь мы сами стали взрослыми — и стараемся уже не говорить об этом вслух, тем более с детьми, да и вообще вспоминать об *этом* как можно реже.

Ибо *это* — табу. Оно священо. А значит, ответов не будет. Потому что в священном не сомневаются... Пока гром не грянет. Или — рак на горе не свистнет? А это когда? Ах, уймитесь, дети, маме с папой сейчас не до вас. Домашку сделали? Ну, бегите играйте. В «домик» или что у вас там...

* * *

— Ой, мама, смотри, какая прелестная гадость!
Корней Чуковский, «От двух до пяти» (1928)

Да, все мы родом из детства. Какие же факты о жизни автора неплохо бы знать заранее при чтении этой книги?

Родилась Саяка Мурата в 1979 г. в пригороде Тибы, одного из спутников Токийского мегаполиса. Навязчивая страсть сочинять и записывать истории проснулась в ней в 10 лет. В школе подвергалась буллингу за свою «ненормальность», из-за чего едва не покончила с собой. Но спасла ее именно тяга к писательству. Как сама же и признавалась впоследствии, она просто «заболтала» свое желание умереть, споря с ним на страницах собственных сочинений.

«Переспорила смерть?» — поражаются до сих пор ее восторженные почитатели.

«Нормальная творческая сублимация», — отвечают им на это суровые и опытные психотерапевты.

Родители Саяки-тян — люди консервативных взглядов и почитатели японских традиций из социальной прослойки, которую в том же Лондоне отнесли бы к классу upper-middle. Еще не высший, но уже чуть выше среднего (уровень, добраться до которого так отчаянно пытается муж-гурман из рассказа «Милое застолье»).

Девочку с малых лет воспитывали в традиционном ключе: обучали игре на пианино, одевали только в старомодные платья или еще более строгие кимоно. Все школьное детство мать мечтала о том, чтобы она поступила в приличный вуз и нашла там «достойного избранника».

Благодаря этому или вопреки, но училась Саяка на отлично. Поступив же в вуз, испытала настоящий шок, увидев, что большинство девушек вокруг нее и правда ныряло в дебри высшего образования с единственной целью: найти богатого жениха, женить его на себе и нарожать побольше детей.

На глазах у юной Саяки отец, человек жесткий, долго пытался заставить ее старшего брата выучиться на врача или судебного пристава (самые высокооплачиваемые «бюджетные» профессии современной Японии). В результате брат разорвал отношения с родителями, и эта семейная война затянулась на много лет, оставив в сердце Саяки незаживающий шрам.

По окончании вуза Саяка не стала выходить ни за какого «избранника», а устроилась на полставки (о, позор родительским сединам!) в магазинчик за углом — и все оставшееся свободное время посвятила писательству.

Почему она выбрала именно эту работу — можно узнать, погрузившись в повествование «Человека-комбини». Но сама сочиняльщица вжилась в свою героиню так, что даже после получения премии Акутагавы «не бросила спорта» — и продолжает время от времени подрабатывать в магазинчике неподалеку от дома, чтобы «держаться в писательской форме».

А формой, равно как и выправкой, боги ее не обделили. Миловидная и воспитанная, умеющая вести беседу тонко и доброжелательно, хотя и цепко следящая за любым поворотом беседы. Способность мгновенно предугадать как мысли, так и действия собеседника (читай, клиента), отточенная на работе в комбини, переросла и в писательскую интуицию на страницах ее рассказов, которые она печатала с 2013 по 2018 год в солидных литературных журналах. Именно эти рассказы принесли ей в Японии долгоиграющий имидж «возмутительницы спокойствия», по резонансу вполне сравнимый с репутацией японского Антоши Чехонте или Зоценко наших дней. Именитые коллеги по писательскому цеху (Ре Асаи, Тиэ Като, Канако Ниси), упоминающая Мурате-сан в интервью или телевизионных ток-шоу, с нежным пиететом называют ее двуязычным прозвищем «Crazy Саяка».

Или, по-нашему, Девочка-Бзик. А по версии журнала *Vogue Japan* — еще и «Японская женщина 2017 года».

Вторым же из ее мировых бестселлеров, переведенных на русский, стали «Земляноиды» — криминальный «ужастик» с мистическим подтекстом. И с таким сногшибательным финалом, что лично я своим ближним рекомендую

читать эту книгу «только на сытую голову». Слишком много срывающихся табу. Слишком много того, во что мы привыкли верить, оказывается... фейком? Или о чем мы, вообще, говорим?

* * *

— Пора принять меры и наложить вето на табу!

Александр Лукашенко, 1994

Табу — термин из шаманских обрядов Полинезии. На языке племени Тонга это слово означает «имеющий связь с богами», или «священный для всех». А в международный обиход его ввел не кто иной, как Джеймс Кук, много лет наблюдавший за жизнью полинезийских племен. Тот самый, печально известный капитан Кук, которого эти же аборигены в итоге и съели в далеком 1779 году.

Хотя сперва, поговаривают, и убивать-то не хотели. Но то ли шаман вождю лишнего наболтал, то ли жена вождя, наслушавшись шамана, — в общем, дело темное.

Табу может означать вообще всякий запрет, нарушение которого рассматривается как угроза обществу, хотя и без четкого осознания, какая именно это угроза. У аборигенов Полинезии главными законодателями были шаманы. Они то прекрасно чуяли, что с появлением бледнолицых с огнестрельным оружием их вековым традициям и шаманскому влиянию на умы приходит конец. И уже потому накладывали табу на любое появление на их островах чужеземцев, которое каралось их, чужаков, поеданием. Так глубокие подсознательные верования становились всеобщим законом.

Ведь все это происходило на крошечных океанских островах, где каждое мелкое животное наперечет, и любой кусок съедобного мяса — сакральный деликатес! А чужеземцы — это, прежде всего, новое мясо. И если от него еще и становишься ближе к богам — значит нужно вкусить его, возблагодарив Небеса за угощение особыми ритуалами! Так говорили своему племени шаманы в конце XVIII века. И это действительно было священным законом, в который верили все члены племени до единого.

Однако уже через 100 лет эти аборигены отчего-то уже не стали поедать Роберта Луиса Стивенсона, прожившего последние — и самые счастливые! — годы своей жизни на острове Самоа, среди тех же самых тонганцев. Которые наверняка уважали романтических писателей ничуть не меньше храбрых капитанов. Они даже проложили к дому Стивенсона дорожку, которую называли «Тропой любящих сердец», а после его смерти похоронили с максимальными почестями на самой высокой и священной горе своего острова. В христианской, заметим, могиле, на которой и выбит его знаменитый реквием самому себе.

Так что же случилось всего за сотню лет с одним и тем же народом? Колонизация, христианизация, модернизация, глобализация? Торжество Закона над религией?

Несомненно. Резкие изменения в жизни племени Тонга, взятые вместе, перевернули с ног на голову все его моральные нормы и религиозные табу. Строго говоря, самоанцы перестали быть каннибалами — просто потому, что иначе пришедшие европейцы не дали бы им выжить.

Ради чего и ввели свой, чужеродный Закон: людей поедать нельзя.

В отличие от полинезийцев, у японцев были свои преимущества для того, чтобы не превращать поедание себе подобных в религиозный культ. Все-таки острова у Японии и просторней, и скученней. Однако не менее драматичный срыв всеяпонского табу случился в эпоху Токугава — когда в корне стала меняться практика захоронения покойников. А стало быть, и отношение к ним.

Принято считать, что кремацию в Японии распространили буддисты примерно к XIV веку. Именно тогда в стране участились междоусобные войны, оставлявшие после себя горы трупов. Трупы гнили, и зараза расплзлась по деревням и городам. И в среде буддийских бродячих священников зародилось движение «очищения огнем». Они стали собирать эти трупы в лесах и полях, да там же и сжигать.

Движение это вызвало поддержку как властей, так и простого населения. Наученные горьким опытом, все понимали: если после очередного землетрясения могильники вывернет наизнанку, — новая чума накроет села и города. И эти ритуальные услуги начали все чаще доверять именно буддийским храмам, которые примерно до конца XVIII столетия продолжали хоронить умерших в земле, — но уже сожженных.

Современная же кремация — как самый «здоровый», экологичный способ погребения — приобрела в Японии массовый характер лишь к концу XX в. Именно тогда в городах стали строиться общественные кладбища — муниципальные

или частные, на которых тут же стало не хватать места, — а технологи добились идеальной очистки воздуха после сожжения тел.

Нет, конечно, если ты очень богатый и тебе захотелось, — можешь и могилку себе позволить. Но, вообще-то, земля дорогушая. И даже если она твоя — твоим наследникам все равно придется платить за нее бешеные налоги. «Пожалуйста, хоронись, — словно бы говорит тебе японский Закон. — Но ты уверен, что тебе это надо?»

В общем, на взгляд сегодняшнего японца, похороны людей замертво, даже не сожженными, в сырой земле — это неопратно, негигиенично, неэкологично и уж точно небезопасно для выживания в целом. И мы с нашими погребениями для них не меньшие варвары, чем для нас — дикари Полинезии, сожравшие Кука. Ведь мы нарушаем их новое табу — теперь уже на захоронение мертвецов.

Именно это, Новое Японское Табу нарушает дедушка главной героини «Земляноидов», пожелавший перед смертью, чтобы его похоронили в земле. Чудак был человек, ну да что с него взять. Знал бы Дедуля, какие беды накличет он своей странной могилкой на дальнейшую жизнь рода! Может, и отказался бы от своего «чудачества» в последний момент?

Но нет! Он решил нарушить табу, за что и расплачиваются теперь его бедные внуки. А что удивляться? Все-таки гнить в земле — это так неопратно. И так... по-дикарски, не правда ли?

С рациональной японской точки зрения, наш западно-постхристианский мир просто еще не развился технологи-

чески до того, чтобы позволить себе всеобщую кремацию. По их японскому мнению — нам тут все это еще предстоит, как бы неприятно это для кого-либо ни звучало.

А японцы, как чуть ли не самые технологически продвинутые, уже заглядывают в послезавтра.

Что делать со всем этим прахом? Куда его дальше девать? Ведь кладбищ для семейных урн в Японии не хватает уже сегодня, и даже такие кремации с погребениями стоят все дороже (1–2 млн иен = от 10 до 20 тыс. долларов США). Так не приближаемся ли мы к условиям выживания в средневековой Полинезии? — будто спрашивает Саяка Мурата своих соплеменников с хитрой улыбочкой между строк. К такому состоянию общества, когда самым рационально-выживательным способом утилизации покойников станет не захоронение в земле, и даже не сжигание своих мертвецов, а просто их... поедание?

И если такой поворот случится — во что превратится жизнь обычных людей? Со всеми их эмоциями, дружбами и любовями, горестями, радостями и прочими человеческими страстями? Или это уже и жизнью-то называть нельзя, потому что это... священо?

Обо всем этом — лишь первый рассказ в 12-стеклышковом калейдоскопе «Церемонии жизни» Саяки Мураты. Правда, американцы в своем издании почему-то упрятали его аж в середину книги. Видимо, чтобы не травмировать мирных американских домохозяек. Что ж! Похоже, в каждой избушке — свои погремушки, и пугаются от них в разных странах по-разному и в разном порядке. В этой книге приоритеты авторские, и сборник начинается именно

с «Церемонии жизни». И составлялась эта подборка кайданов* очень грамотным Сказителем Страшных Историй.

Какие же еще табу, если верить Мурате-сан, дают на мозг современного японца, заставляя его постоянно врать себе и другим? От каких еще «святынь» всем нам, по ее убеждению, придется отказаться уже очень скоро? Отслеживайте сами — надеюсь, скучать не придется. Но, повторяю, читать эту книгу лучше на сытую голову, не совсем на ночь глядя, и самое главное — не теряя чувства юмора.

Ведь, как ни крути, это все-таки сатира. Пусть даже «омерзительная и нежная одновременно», как выразилась редактор русского перевода этой книги, едва его прочитав.

Удачного самоанализа — и привет Аркадию Аверченко, Кобо Абэ и Карлу Густаву Юнгу!

Интуитивно Ваш

Д. К.

---

* **Кайдán** (яп. 怪談, «устный рассказ о сверхъестественном») — традиционный фольклорный жанр в Японии, призванный испугать слушателя; рассказ о встречах с призраками, демонами, ведьмами и прочей японской нечистью. В современной культуре — городские легенды. Сборники кайданов (кайдансю:) японцы выделяют в отдельный литературный жанр и издают отдельным книжным форматом.

ЦЕРЕМОНИЯ ЖИЗНИ

Был обеденный перерыв, и мы с пятью девушками из отдела уже приканчивали наши бэнтó* в зале для совещаний, как вдруг самая младшая из нас перестала орудовать палочками и подняла голову:

— А вы уже слышали, что бывший директор Накáo скончался?

— Да ты что?! Это от чего же?

Все мы разом уставились на нее.

— Кажется, инсульт...

---

* Бэнтó (яп. 弁当) — традиционный японский ланч в удобной коробке с крышкой для поедания в пути или «на бегу». Имеет множество вариаций: с мясом, с морепродуктами, вегетарианские, детские и т.п. Традиция зародилась в период Камáкура (1185–1333). Изначально бэнтó готовили в домашних условиях или в ресторанах навынос. Сегодня большинство японских клерков, как правило, обедают такими ланчами, покупая их в ближайших комбини (от англ. convenience store) — мини-маркетах шаговой доступности. — *Здесь и далее — примеч. переводчика.*

Я тут же вспомнила приветливую улыбку господина Накао. У него была благородная седина, и он часто угощал нас конфетами, которые получал в подарок от партнеров по сделкам. Мягкий, прекрасно воспитанный. На пенсию вышел всего пару лет назад.

— Еще такой молодой...

— Да не говори! И когда это случилось?

— Кажется, позавчера. А сегодня утром семья сообщила по телефону, что вечером состоится церемония. И надеются собрать на прощание с ним как можно больше народу. Дескать, такова была последняя просьба покойного.

— Правда? Тогда сейчас лучше не наедаться... Предлагаю обойтись без десертов! — сказала моя ровесница, пряча свое нераспакованное крем-брюле обратно в пакет из комбины. Другая же, на год старше нас, пробубнила, жуя картошку с мясом:

— Накао-сан? Хм... Интересно, каков он на вкус!

— Жестковат, наверное? Все-таки он был худощавым.

— Однажды я уже пробовала мужчину той же комплекции. Пальчики оближешь. Немного жилистый, но просто таял на языке!

— Вот как? Я слышала, бульон из мужчин обычно вкусней, чем из женщин... — добавила моя ровесница, собирая в тот же пакет остальные десерты. — Так ты пойдешь, Икэтанэ? На церемонию-то?

— Ну... не знаю, — вяло отозвалась я, покачав головой, и продолжила ковырять свое простенькое бэнто с сушеными водорослями.

— Серьезно? — удивилась она. — Так, может, ты из тех, кто избегает человечины?